

Василий ВОРОН

Faruq

Апельсины
Чёрного
Фарука

12+

Василий Ворон

Апельсины Черного Фарука

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50755340

SelfPub; 2020

Аннотация

Фарук – старый марокканец, весь день сидящий возле дорожки, ведущей к пляжу. Никто не покупает его апельсины, лежащие рядом, но ему будто нет до этого дела. И никому даже в голову не может прийти, что этот нелепый старик – потомок колдунов Древнего Магриба.

*К тебе, сокрытый дух, стремится разум мой
С подсказками добра и мудрости земной.
Ты соколом рожден; но все с руки султана
В развалины летишь. Смотри, не стань совой!*
Омар Хайям

Доводилось ли вам когда-нибудь пробовать марокканские апельсины? Нет, не те, что часто можно было встретить в советских овощных магазинах: некрупные, в меру сочные, действительно сладкие и с черным ромбиком на желтом боку. Вовсе не эти, а настоящие – большие, солнечно-оранжевые, без всяких наклеек, но зато с узким и гладким, как девичья кожа, зеленым листиком на черенке. Вы только представьте: нежно-зеленое на солнечно-оранжевом. Бесконечно красиво!

А внутри!..

Когда их чистишь, руки непременно покрываются обильной маслянистой жидкостью, радужной россыпью бьющей в воздух и наполняющей его замечательным терпким ароматом: апельсин приветствует вас. Но будьте осторожны: ваш костюм может пострадать! Зато после...

Да, конечно, эти апельсины таят внутри косточки – ведь апельсин надеется оставить потомство. Кого можно в этом упрекнуть? Да и удовольствие от этого не становится меньше.

Апельсины созданы Великой Матерью для того, чтобы

на деле продемонстрировать священный Завет – Бог велел делиться. Этот восхитительный фрукт состоит из равных долек – это ли не Чудо?! Яблоко так не делится (почему-то сразу вспоминается «яблоко раздора»). И абрикос не делится. И банан. Нужно преломлять, и вовсе не факт, что получится поровну. Только апельсин истинно демократичен, только он способен так чудесно делиться поровну.

Отломите дольку. Видите? Под тонкой золотой кожей искрятся плотно пригнанные друг к другу тугие волокна, и в каждом – капля волшебного нектара. Его вкус красив и тонок как арабская вязь. Он в меру сладок и чуть-чуть кислит – то, что нужно, чтобы утолить жажду! Хочется немедленно сунуть в рот еще одну дольку. И еще... Чувствуете? Жизнь прекрасна, несмотря ни на что. И справедлива – каждому та доля, которую он заслужил.

Апельсин создан для того, чтобы поделиться им с другом. У вас есть Друг? Захватите на встречу с ним апельсин – без всяких черных ромбиков, но непременно тот самый, из древнего Магриба, страны великого Заката, где садящееся за горизонт солнце делится со всем живым своей энергией до самого последнего мгновения, пока не погрузится в воды Атлантики. Прощание – магический акт. Оно сулит перемены. Закат солнца обещает прохладу ночи, аромат фиалок и величайшую карту сопредельных Миров – черное звездное Небо.

А еще заходящее солнце дарит надежду. Надежду на зав-

трашнюю встречу с ним.

Поделитесь маленьким солнцем со своим Другом. Это очень важно, поверьте...

– Мадам! Попробуйте орешки.

Женщина даже не взглянула в сторону протянутого в ее сторону совочка с горкой сладкого арахиса, продолжая величаво шлепать босоножками к пляжу. Камиль хотел было увязаться за ней, но тут же махнул рукой (что было на него совсем непохоже):

– Э-э! Американцы очень скупы, верно про них говорят. Что для нее десять дирхем? Да...

Он огляделся. По дорожке, стиснутой с одной стороны оградой отеля, а с другой глухим забором такого же, но только еще возводимого, к пляжу пока больше никто не шел. Камиль вернулся к своему складному столику, аккуратно пристроил возле горки коричневых орехов совок и принялся раскрывать зонт – вместо привычной утренней облачности уже всюду светило солнце. Напротив него, по другую сторону дорожки, в том месте, где она уже ныряла в песок пляжа, прислонившись спиной к серой бетонной плите забора, сидел, как и всегда по четвергам, старый Фарук. Он сидел прямо на земле, подстелив под свое костлявое сидалище потрепанный молитвенный коврик и перед ним на перевернутом ящичке из-под кока-колы, помнившем, вероятно, уход с континента французов, лежали в полиэтиленовом пакете

три апельсина. Фарук сжимал сухими жилистыми лапками деревянную клюку и невозмутимо смотрел на океан сквозь огромные старомодные очки. И как всегда, он был нелеп и смешон.

С дальнего конца дорожки, истекавшей из городской улицы, послышался хруст мелких камешков – к пляжу шла стройная девица в небрежно повязанном поперек бедер платке. За ней со скучающим видом тащился оплывший жиром мужчина в обтягивающей пузо футболке и шортах, из брючин которых, словно карандаши из стаканов, торчали две мохлявые щетинистые ноги. Камиль бросил возню с зонтом, проворно подхватил свой сопочек и бросился им навстречу.

– Месье! Попробуйте сладких орехов!

– М-м-м...

«Месье» не интересовали ни орехи, ни намечавшийся торг и Камиль немедленно обратился к девице:

– Мадам! Вы никогда не пробовали ничего подобного!

«Мадам» сунула предложенную горсточку орехов в рот «месье» и подозрительно осведомилась:

– Ну и how mach?

Камиль с готовностью подскочил к столику, приподнял заготовленный кулек и выдал:

– Всего восемьдесят дирхем.

– Скока?! Эйти дирхем? Да ты с дуба рухнул, дядя!

Камиль отлично понял незнакомую речь, но ничуть не смутился:

– Мадам! Такого товара вам не найти нигде в округе! Это лучшее.

– Не пудри мне мозги. Слышь, Лёсик, он думает, что мы этого говна у себя не видали.

– М-м... – равнодушно прожевал в ответ толстяк. Камиль не думал сдаваться:

– Хорошо! Семьдесят пять.

– What? Да на вашем гребаном бульваре это барахло стоит десятку. Слышишь ты? Ten дирхем! Understand?

Прожевав орехи, толстяк отвернулся и направился дальше, с сопением преодолевая начавшийся песок. Девушка осталась, и яростный торг продолжился. В его ходе уже была помянута – с одной стороны – мать Камилля и – с другой – неизвестный ишак, исторгший из своих недр «товар, который вы видели на бульваре».

– Мадам! Поверьте, я потерплю убыток, но ради вашей красоты я уступлю вам эти отменные орехи за двадцать дирхем.

– Да пошел ты знаешь куда? – сказала девушка и пошла прочь, но Камиль проворно заслонил ей дорогу, невинно глядя в ее солнцезащитные очки:

– Ради ваших прекрасных глаз, о волоокая... пятнадцать дирхем.

– Ten! И ни копейкой...

Камиль горестно воздел очи к небу, потом воровато оглянулся на сидевшего у своего ящика с невозмутимым видом

Фарука и, понизив голос, сказал:

– Мадам, конкуренты перестанут меня уважать... Двенадцать.

Девушка фыркнула, однако вынула из полотняной сумки кошелек и отсчитала две монеты и бумажку:

– Подавись, потрошитель...

Она взяла кулек и победно побрела по песку к белевшему неподалеку необъятному пузу, обладатель которого с опаской рассматривал бодрые волны.

Камиль спрятал деньги в карман и насмешливо обернулся к старому Фаруку, по-прежнему безучастно глядевшему на волны:

– Эй, Фарук! Среди твоих предков никогда не бывало славных берберов, умевших продать горсть песка посреди Сахары. Зачем ты приходишь сюда дважды в неделю?

Старый Фарук равнодушно на него посмотрел, но ничего не сказал. Камиль широко улыбнулся, являя крепкие белые зубы:

– Наверное, ты ждешь, когда эти несчастные апельсины усохнут, и затем выгодно их продашь этим глупым игрокам в гольф, чтобы они били по ним своими клюшками!

Он засмеялся, довольный собственной шуткой и вновь стал возиться с зонтом над своим столиком. Фарук окинул взглядом дорожку, в начале которой появился еще кто-то и снова отвернулся к океану.

Солнце карабкалось все выше, и все выше становились

волны, поэтому и так немногочисленные купальщики уступили место сёрферам. Народ все шел из своих отелей – не купаться, так подрумяниваться на песке – и Камиль вертелся волчком на дороге у столика. Люди пробовали его сладкий арахис, торговались, возмущались, и уходили дальше (с орехами или без), лишь мельком взглядывая на три оранжевых плода, лежавших в пакете на перевернутом ящике из-под кока-колы. Старый Фарук время от времени отрывался от созерцания волн, скользил взглядом по проходящим мимо людям, и вновь принимался смотреть на океан.

Ветер уже носил по пляжу какие-то бумажки и обрывки упаковочных пакетов, сновали туда-сюда лоточники с пончиками и тем же сладким арахисом, торопливо разносили мороженое, предлагали нанести на руки желающим традиционные узоры из хны, и от них вяло отмахивались млеющие под солнцем тела, вздымающиеся животами, бугрившиеся ягодицами, и оплывающие грудями. Дальше от берега, расчертив на песке немудреное футбольное поле, неумоимо пинали мяч местные парни, и им вежливо грозил конный полицейский патруль, чтобы, не приведи Аллах, не попали мячом в туристов или – того хуже – не обсыпали песком. Кучками сидели на песочке давно выкупавшиеся местные девицы, обильно закутанные в ткань, неторопливо и беззвучно толкуя о своих делах, точно так же закутанных в покровы, неподвластные уму западных деловых женщин.

Когда солнце взгромоздилось в самый зенит, и многие

из отдыхающих потянулись от греха в свои отели, на пляже, с той стороны, откуда всегда появлялся конный патруль, и где перемигивались по вечерам огни бульвара, показался еще один полицейский верхом на квадроцикле, неторопливо объезжающий загорающих. За несколько шагов до того места, где дорожка впадала в пляж, полицейский остановился, заглушил двигатель и направился к двум торговцам, на ходу оправляя форму цвета кофе с молоком. Еще издали он сдержанно кивнул Камиллю, горячо закивавшему в ответ, и подошел к старому Фаруку.

– Ассаламу алейкум, почтенный Фарук, – сказал полицейский, снял фуражку и, наклонившись, коснулся лбом морщинистых загорелых рук, сжимавших клюку. Камиль едва не пропустил очередную пару купальщиков, заглядевшись на это.

– Алейкум ассалам, Мухаммед, – негромко, но очень отчетливо произнес старик, устремляя свой взор на патрульного. – Мы давно не виделись.

– Прости недостойного, почтенный Фарук, да продлит Аллах твои дни, – присаживаясь на корточки перед стариком, ответил Мухаммед. Тот покачал головой и уголки его сухих тонких губ тронула едва уловимая улыбка, отчего непроницаемое лицо на мгновение преобразилось:

– Рад видеть тебя, мой мальчик.

Старик взял пакетик с апельсинами, переложив себе на колени, и придвинул к Мухаммеду ящик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.